

Ноября 16 (29)

Священномученик
Феодор (Колеров)
и Мученики
Анания (Бойков) и Михаил (Болдаков)

Феодор Ксенофонтович Колеров родился в 1882 году в селе Семеновском Тверской губернии в семье священника Ксенофонта Захарьевича и его жены Елизаветы Ивановны. В 1905 году Феодор окончил Тверскую Духовную семинарию и был рукоположен во священника села Ключевого Тверской губернии. В 1911 году он был переведен в село Столбово, а через год стал настоятелем в только что отстроенном Преображенском храме в городе Кимрах Тверской губернии. Своим ревностным служением о. Феодор быстро привлек к себе сердца верующих. Несмотря на молодость, он для своих прихожан стал отцом; и в трудных случаях люди шли к нему за советами. Когда о. Феодор проходил по городу, то многие стремились поговорить с ним, останавливали его, и он, не жалея времени, старался разрешить возникшие вопросы. Всех своих прихожан он хорошо знал; знал, кто какой имеет душевный или телесный недуг. Бывало, жены запойных пьяниц, когда случалась беда, спешили позвать о. Феодора, чтобы он поговорил с мужьями и как-то отвлек их от пагубной привычки. Священник никогда не отказывал, и зачастую его беседа с пьяницей, а более того, совместная молитва, удерживали человека от запоя. Когда началась Первая мировая война, священник и его жена, Анна Михайловна, возглавили в городе общество помощи фронту – шили для армии одежду и отправляли на фронт посылки. На Пасху и на великие праздники о. Феодор непременно обходил дома всех своих прихожан, обходил и после того, как советская власть стала это запрещать и преследовать. Художественно одаренный человек, ценитель хорошего духовного пения, он приглашал в Преображенскую церковь известных певцов. У него были дружеские отношения с певицей Неждановой и актером Головановым. Артисты исполняли духовные песнопения; эти концерты имели не только просветительское значение, но и благотворительное. В Москве был голод. Многие известные артисты были лишены всяких средств к существованию и голодали. После духовных концертов и пения на службах прихожане приносили им, что у кого было из продуктов. Так о. Феодор помог певцам пережить голодное время.

Советские власти сразу отметили незаурядного священника и его высокий авторитет среди горожан. В начале сентября 1919 года секретный отдел губернской ЧК разослал по всем уездным городам телеграммы об аресте в качестве заложников всех сколько-нибудь выдающихся жителей. Уездный комитет кимрских большевиков постановил «выделить одиннадцать товарищей... в качестве руководителей и каждому дать одного коммуниста и по два красноармейца. Начать с 12 часов ночи». Среди других заложников был арестован и о. Феодор. Его обвинили в том, что он «организовал духовный концерт без всяких разрешений на то советских органов»¹. Отец Феодор вскоре был освобожден, но власти не прекращали преследований: отобрали всю

мебель, затем наложили контрибуцию, по которой он был обязан выплатить крупную сумму денег, в противном случае угрожали арестом.

1922 год. Голод. Изъятие церковных ценностей, гонение на Православную Церковь, организация советской властью обновленческого движения. До Кимр начали доходить из газетных сообщений известия об обновленцах. Пришло несколько номеров журнала «Живая Церковь», в которых толковалось о возрождении древних церковных традиций. Наконец пришло известие, что в Москве собирается съезд духовенства. Отец Феодор, который всегда интересовался событиями церковной жизни, отправился в Москву, чтобы лично увидеть, чем будет заниматься съезд духовенства, какие обсуждать проблемы. Съезд был назначен на 6 августа, к этому времени в Москву съехалось около двухсот участников, большей частью священников, прибывших из самых разных епархий России. Понаблюдав за приготовлениями, о. Феодор захотел попасть и на сам съезд, чтобы видеть его работу, но выяснилось, что на съезд будут допущены только члены группы «Живой Церкви». Любопытство превозмогло благоразумие, и священник, чтобы попасть на съезд, записался живоцерковником. Здесь о. Феодор попал в атмосферу, какая была в революционный семнадцатый год, когда говорилось много речей, строилось множество планов и рождалось много ложных надежд. При создании съездом комиссий о. Феодора назначили в комиссию социального обеспечения духовенства и так заняли делами, что ему не каждое удавалось теперь посещать заседание съезда.

По окончании работы съезда были назначены уполномоченные по епархиям, в Тверскую назначили священника Раевского. В конце съезда, 16 августа, власти разрешили живоцерковникам отслужить молебен в Успенском соборе, посетить кремлевские святыни, дворцы и оружейную палату. Сразу же после посещения Кремля о. Феодор уехал в Кимры и здесь вскоре получил от священника Раевского извещение, что он, Колеров, назначается уполномоченным Кимрского и Кашинского уездов. Отец Феодор понял это так, что ему поручается ознакомить духовенство с работой московского съезда, а пожелает ли кто из них вступить в группу живоцерковников – это их личное дело.

Собрание в Кимрах состоялось 31 августа: присутствовали пять священников кимрских церквей, три диакона и один псаломщик. Духовенство подворья Троицко-Ильинского женского монастыря на собрание не явилось. Отец Феодор рассказал о работе съезда белого духовенства. Один из священников спросил: «А канонично ли Высшее Церковное Управление?» В ответ о. Феодор сослался на учреждение Петром I Святейшего Синода на месте Патриаршего управления и сказал что ВЦУ учреждено многими авторитетными архипастырями.

Кто-то из присутствовавших выразил сомнение о доброкачественности связей ВЦУ с советской властью. Отец Феодор возразил, что после посещения президиума съезда Калининым достигнуто соглашение и власти не будут вмешиваться в дела Церкви, строго соблюдая принцип отделения Церкви от государства. Священник Иоанн Комаров сказал, что вопрос о вступлении в группу «Живая Церковь» настолько серьезен, что его необходимо обдумать. «В Москве две недели обсуждали, и здесь мы не можем так сразу решить». Настоятель Покровского собора протоиерей Макарий Комаров попросил у о. Феодора текст устава «Живой Церкви», чтобы ознакомить с ним прихожан, но о. Феодор отказал, сославшись на то, что обсуждение устава среди мирян может повести к большому смущению. 5 сентября подобное же заседание духовенства состоялось

и в Кашине. Выслушав о. Феодора, священники постановили: «Реформы... признать необходимыми и в самом скорейшем времени, для чего желателен созыв Всероссийского Церковного Собора».

Священник Феодор Колеров и его жена Анна Михайловна (стоит четвертая слева) среди участников общества помощи фронту. 1915 год

В конце сентября в Москве среди обновленцев произошел раскол. Страсти и борьба между ними выплеснулись наружу, для всех искренне заблуждающихся стало очевидным, что никакого церковного движения и церковной работы нет. Не о Церкви и не о православии думают вожди обновленческого движения. Увидев все это, о. Феодор ужаснулся и прервал всякие отношения с обновленцами, не отвечал ни на их запросы из Москвы, ни на запросы тверского уполномоченного Раевского. Вскоре он получил письмо из Твери от протоиерея Алексея Бенеманского с вопросами об отношении о. Феодора к обновленчеству. Тот ответил, что отказался от каких бы то ни было реформ до Поместного Российского Собора и желает приехать как можно скорее в Тверь к епископу, чтобы излить перед ним все свои накопившиеся переживания, связанные с обновленчеством. Отец Феодор стал писать исповедь, которую он намеревался передать Тверскому епископу.

В конце октября к о. Феодору приехал из Твери священник Алексей Бенеманский. Почти до утра они беседовали об обновленчестве. Отец Алексей написал после этой беседы епископу Тверскому Петру (Звереву): «Позволю себе свидетельствовать, что намерение о. Феодора порвать с «Живой Церковью» искренно, да фактически это уже и состоялось. Теперь он выражает готовность возвратить «Живой Церкви» свой членский билет и Раевскому – мандат. Вам он раскаяние принес и принесет еще». В своем прошении к епископу Петру о. Феодор писал: «Прошу Вас, Владыко, принять меня в число пастырей Церкви, простить мой грех, совершенный по действию диаволу – разрешить священнослужение, положив... по силам покаяние молитвенное...» Епископ Петр не сразу разрешил о. Феодору служить, поначалу прислав распоряжение о запрещении его в священнослужении. Тот подчинился и сам отвез распоряжение архиерея благочинному, после чего в Преображенском храме стал служить другой священник.

Над душой о. Феодора разразилось бедствие, невыносимо тяжело было переживать свое отстранение от престола Господня. Все мысли, чувства и

переживания были связаны с Церковью, без нее он не мыслил и жизни, а тут все оборвалось. В середине ноября о. Феодор снова написал епископу, прося его снять запрещение: «Если Вы еще не преложили гнев на милость, то еще раз прошу Вас, Владыко... дать мне возможность помолиться пред Престолом Всевышнего о своем грехе... Тяжело передать состояние, переживаемое мной. Если Вы, отец наш и архипастырь, то по молитве Господней «и остави нам долги наши» продолжите «якоже и мы оставляем должником нашим» и по отношению ко мне». Запрещение вскоре было снято, и о. Феодор снова стал служить в Преображенском храме.

Между тем гонения на священника, особенно после того, как он снова стал служить, усилились. По распоряжению властей у него были отобраны в церковном доме две самые удобные комнаты и власти предупредили, что вскоре отберут и весь дом, так что пусть священник себе строит другой, чтобы было куда перейти. С большим трудом о. Феодор собрал средства и построил дом, это было уже в 1927 году. В том же году Кимрский городской совет возбудил ходатайство перед ВЦИК о закрытии Преображенского храма. В июле 1928 года ВЦИК постановил закрыть храм. Верующие созвали собрание, решившее отстаивать храм, и послали делегацию во ВЦИК.хлопоты продолжались около года. В мае 1929 года власти прислали постановление о закрытии храма.

Священник Феодор Колеров и прихожане Преображенского храма

Кимрский городской совет назначил комиссию по изъятию церковного имущества. Отец Феодор сообщил прихожанам о решении властей и объявил, что 19 мая состоится последняя служба. Председатель церковного совета Дмитриев разослал в соседние деревни гонцов объявить об этом всем прихожанам.

19 мая на последней службе храм был полон молящимися. После службы о. Феодор зачитал распоряжение властей о закрытии храма. Он призвал верующих подчиниться этому распоряжению. Решение властей закрыть храм потрясло прихожан, и они не пожелали подчиниться. На следующий день, когда пришла комиссия городского совета описывать церковное имущество, ее встретила толпа и не допустила в церковь. Прихожане установили дежурство около храма. Иногда собиралась толпа до трехсот человек. В толпе вскоре стали

появляться молодые люди, выкрикивавшие провокационные лозунги. Отец Феодор не раз выходил к народу и просил отдать храм, иначе пострадают невинные. Только через три дня люди начали расходиться. Отец Феодор, староста храма Анания Бойков и Михаил Болдаков² были арестованы. Началось следствие. Обвиняемых увезли в Тверскую тюрьму. Их родственники пытались добиться свидания, но все было безуспешно. К концу следствия они поехали в Москву искать адвокатов. Московские адвокаты сразу предупредили, что началось гонение на Церковь и вряд ли они в этом процессе могут быть чем-либо полезными, но в конце концов согласились³.

*Староста храма Анания Бойков (пятый слева, сидит)
и прихожане Преображенского храма. 1927 год*

Михаил Болдаков с женой

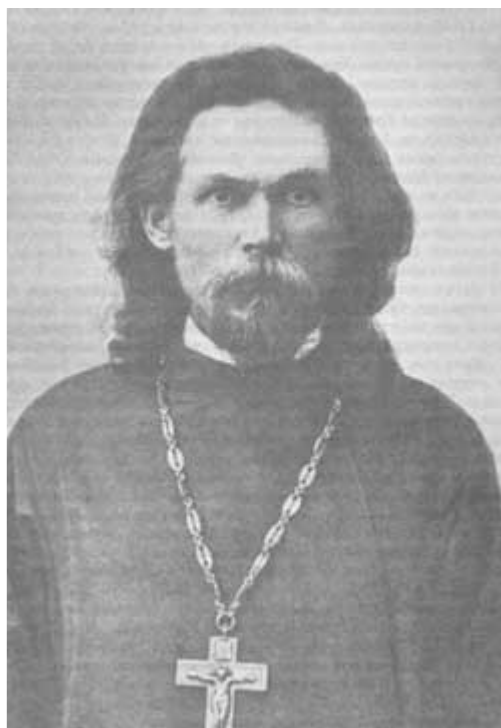
«Приговор»

Всего по этому делу было привлечено двадцать человек обвиняемых. Суд назначили на 20 октября. Глубокой ночью обвиняемых перевезли на открытой барже по Волге в Кимры, где должно было слушаться дело. Моросил дождь, дул холодный осенний ветер, глинистая дорога размокла. Окруженные конвоем, узники медленно поднимались по крутому, скользкому берегу. По сторонам дороги, прячась от конвоя, пробирались родственники и близкие арестованных, чтобы хотя издали увидеть дорогие лица. Боясь стражи, никто не смел окликнуть арестованных.

С утра начался суд. Поскольку делу придавалось большое политическое значение, на процесс были приглашены корреспонденты центральных и московских газет. «Мы судим не группу верующих, которые якобы были против передачи здания церкви для культурных надобностей и поэтому оказали сопротивление... — писалось впоследствии в этих газетах. — Мы судим нашего... врага...» Процесс был объявлен открытым, но власти заготовили пригласительные билеты, по которым пропускали в зал суда; распространение билетов контролировалось настолько, что никто из родственников подсудимых не был допущен на судебные заседания.

Обвиняемые, несмотря на угрозы обвинителей и враждебное отношение специально подобранной публики, держались мужественно; виновными себя они не признали. 27 октября был зачитан приговор: священник Феодор Колеров, староста Анания Бойков, члены церковного совета Дмитриев и Закурин⁴ и Михаил Болдаков были приговорены к расстрелу. Адвокаты приговоренных подали кассации. На время кассации о. Феодора перевели в Москву в Таганскую тюрьму. Ему разрешили ежедневные свидания с родственниками. Жена о. Феодора, Анна Михайловна, предпринимала все, чтобы отхлопотать священника. Ей удалось добиться приема у одного из начальников ГПУ на Большой Лубянке⁵. Анна Михайловна просила о помощи влиятельных знакомых о. Феодора, но тоже безрезультатно⁶.

20 ноября о. Феодору было объявлено, что смертный приговор утвержден. На полях канонника, бывшего с ним в камере, он написал: «20/XI, 21/XI, 22/XI – плач три дня». Вся жизнь теперь прошла перед ним. Прошла освещенная светом Христовым, измеренная совершенством заповедей Его. Блаженны алчущие, плачущие о своем недостойности и грехах, о своем вящем несовершенстве, ибо они утешатся. «Ныне же будешь со Мною в раю», – ответил Господь раскаявшемуся разбойнику. Но не за грех и не за отступление от Христа приговорен он к смерти. И как утешительно было читать после дней плача слово обетования Господня. «Рече Господь: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и евангелия, той спасет ю...» И от плача духовного, от всеочищающего покаяния, от животворящих слов Господа рождалось в сердце великое благодарение. В три часа ночи с 23 на 24 ноября он записал: «Читаю акафист Иисусу Сладчайшему».

Феодор Колеров 1920-е годы

Он не мог вести подробный дневник, тюремщики все равно бы все уничтожили, но, читая молитвы и песнопения, составленные святыми, он находил в них то, что чувствовал в тот момент сам, и эти строки подчеркивал; так получился дневник его чувств и переживаний, написанный святыми. «Душе моя, душе моя, восстали. Что спиши. Конец приближается, не имаше смутиться, но воспряни...» «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...» Но ближе всего и отзывней душе в эти дни был чин пения двенадцати псалмов «о них же воспоминается в книгах отеческих, и в житиях и мучениях святых многих». «Скажи ми, Господи, кончину мою, – читал он и особо подчеркивал, что относил к себе, – и число дней моих кое есть? Да разумею, что лишаюся аз?.. Обаче всяческая суета, всяк человек живой... И ныне кто терпение мое, не Господь ли?.. От всех беззаконий моих избави мя: поношение безумному дал мя еси... Врази мои реша мне злая: когда умрет и погибнет имя его?»

И вхождаше видети, все глаголаше сердце его. Собра беззаконие себе, исхождаше вон, и глаголаше вкупе. На мя шептаху еси врази мои, на мя помышляху злая мне. Слово законопреступное возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути... Отче небесный, согреших, очисти и спаси мя... Помышляю день страшный, и плачу деяний моих лукавых: како отвещаю бессмертному царю? Или коим дерзновением воззрю на судию?.. Да покрывает мя рука Твоя, и да приидет на мя милость Твоя, яко смятется душа моя, и болезненна есть во нахождении своем, от окаянного моего и скверного телесе сего, да не когда лукавый сопостата совет срящет, – читал и молился он за четыре дня перед казнью, – и препнет ю во тьме, за неведомыя, и ведомыя в житии сем бывшыя ми грехи: милостив буди ми, Владыко, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов: но да примут ю ангели Твои светлый и пресветлии. Дажь славу имени Твоему святому... Твое судище... Но предстани ми, и буди ми спас и заступник, телесная бо сия мучения, веселия суть рабом Твоим. Помилуй, Господи, осквернившуюся страстьми жития сего душу мою, и чисту ю покаянием и исповеданием прими... Яко по моле жизнь моя иждивается, и от дел несть мне спасения. Сего ради молюся... Век мой скончается, и страшный Твой престол готовится, житие мое мимоходит...»

29 ноября в утренних газетах было опубликовано, что священник Феодор Колеров, староста Анания Бойков и мирянин Михаил Болдаков расстреляны. Однако о. Феодор был еще жив, и вечером этого дня ему дали свидание с женой и сыном. Священник вышел к ним худой, изможденный, но совершенно спокойный, внутренне умиротворенный и просветленный. Он знал, что его скоро убьют, знал, что Господь примет его страдания и жертву, знал, что вскоре предстоит встреча с Господом, и уже как человек не от мира сего, положив руку на голову сына, мирно беседовал с Анной Михайловной. Когда свидание закончилось и стража отвела о. Феодора в камеру, он написал на обороте фотографии жены имена детей. И подписал: «До свидания общего».

А затем, когда стража пришла вести на расстрел, на первой странице канонника вывел: «29/XI – 11 ч. ночи».

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»
Тверь. 2001. С. 405-417

Библиография

Протопресвитер М. Польский, Новые мученики российские. Джорданвилл, 1949. Т. 1, с. 197-198.
Коллективная жизнь. Кимры, 1929. № 139-147. Архив УКГБ по Тверской обл. Арх. № 7564-С. Л. 172-182.

Примечания

---

¹ Хотя это и не относится к жизнеописанию мученика, но думаем нелишне будет привести полный список заложников и те обоснования, по которым в те годы арестовывали (а часто и расстреливали): «Куликов Петр – ...способен организовать во всякое время что хотите против сов. власти. Шонин Владимир – торговец... примазавшийся к сов. власти. Столяров Семен – кадет, могущий быть организатором. Сахаров Анатолий — определенно личность не выявлена, ибо очень хитрый, но самый вредный для советской власти контрреволюционер. Смирнов Василий – крупный буржуй. Сын был организатором восстания дезертиров... Столяров Иван – ...председатель союза кооператоров, способный организатор. Стогов – ...примазавшийся к сов. власти, председатель Кимрского волостного исполкома». Нелепые эти формулировки далеко не безобидны. Из народной среды изымались люди самостоятельные, твердых убеждений, непреклонной нравственности, духовные лидеры; подрубались корни народа.

² Михаил Орестович Болдаков был жителем Кимр, брат его служил в Преображенском храме псаломщиком, но сам он не был прихожанином Преображенского храма и в самих Кимрах бывал редко, занимаясь огородным хозяйством в Калужской области. Не было его в Кимрах и в те дни.

³ Московские адвокаты обвиняемых были: Райхлин, Нурок, Хунтадзе, кимрские – Хлебников и Соколов.

⁴ По отношению к Дмитриеву и Закурину смертный приговор был отменен, причины этого неясны, но похоже, все было решено заранее.

⁵ Анне Михайловне выписали пропуск и провели ее и четырнадцатилетнего сына по коридорам к некой двери и оставили ждать. Время шло, они ждали, но их никто не вызывал. Снова появился тот же сотрудник ГПУ, что привел их сюда, и сказал: "Идите, чего вы ждете". Показал на дверь и ушел. Они вошли. Напротив двери, с левой стороны, стоял большой стол, за которым сидел мужчина, а на коленях у него сидела девушка. Увидев вошедших, он пришел в ярость и закричал на них. Анна Михайловна с сыном упали на колени, она пыталась просить, но он и слушать не стал и выгнал их вон. Вероятно, это и был следователь Червонный, который вел дело о. Феодора.

⁶ Она решила обратиться к известной певице, народной артистке Неждановой, которой когда-то о. Феодор помог пережить голодное время. Теперь советская власть благоволила к Антонине Васильевне, и она была вполне устроена. Дверь в квартиру открыла горничная и спросила: "Кто вы?" Не закрывая двери, она произнесла вслух фамилию пришедшей. Отчет о процессе и приговор печатались в газетах, и Антонина Васильевна крикнула из глубины квартиры горничной: "Передайте, что меня нет дома". Анна Михайловна это услышала и уже больше за помощью к ней не обращалась.